

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СФЕРЕ НАКАЗАНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
(ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
“КРУГЛОГО СТОЛА” ЖУРНАЛОВ “ГОСУДАРСТВО И ПРАВО”,
“ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ”, “АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА”
И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЕЖЕГОДНИКА
“ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ”)
(Окончание)¹**

© 2018 г. А. В. Малько^{1, *}, Н. В. Кроткова^{2, **},
В. Ю. Стромов^{3, ***}, В. В. Трофимов^{3, ****}

¹ Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

² Институт государства и права Российской академии наук, Москва;

Журнал “Государство и право” Российской академии наук, Москва

³ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

* E-mail: i_gp@ssla.ru

** E-mail: krotkova2012@yandex.ru

*** E-mail: stromov@tsutmb.ru

**** E-mail: iptgutv@mail.ru

Поступила в редакцию 11.04.2018 г.

Политический и правовой курс современной России на создание в стране условий для устойчивого развития предполагает опору на отлаженную систему государственно-правового регулирования, с помощью которой открываются возможности для полномасштабного осуществления предусмотренных конституционным и отраслевым законодательством свобод, субъективных прав и законных интересов, но вместе с тем обеспечивается их всесторонняя охрана и защита, предполагающая механизмы, способствующие выполнению юридических предписаний (позитивных обязываний), соблюдению правовых запретов. Важную функцию в этой системе выполняют наказания как предусмотренные законодательством меры негативного воздействия на субъектов, в той или иной форме нарушивших предписания закона. Проблемы, связанные с этим “крайним”, но действенным средством государственно-правовой политики современной России, стали предметом обсуждения в формате проведенного научного “круглого стола”. Кроме того, в ходе мероприятия обсуждались перспективы взаимодействия и сотрудничества академической и вузовской науки в рамках Научно-образовательного центра “Государственно-правовая политика современной России”, созданного на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (НИИ государственно-правовых исследований) совместно с Саратовским филиалом Института государства и права РАН.

Ключевые слова: государственно-правовая политика, наказания, система, концепция, государственно-правовые исследования, Научно-образовательный центр “Государственно-правовая политика современной России”.

DOI: 10.31857/S013207690002216-9

¹ Начало см.: Государство и право. 2018. № 11.

Заместитель заведующего кафедрой конституционного и международного права ТГУ им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук, доц. Н.Е. Садохина в своем выступлении обратилась к рассмотрению политико-правовой природы конституционной ответственности.

Конституционная ответственность – особый вид юридической ответственности, реализующийся в отношениях конституционно-правового характера. Наличие конституционной ответственности как особого вида ответственности не подвергается сомнению со стороны ученых-конституционалистов. Однако в теории государства и права выделение конституционной ответственности не всегда находит поддержку в научных кругах. Исходя из этого, полагаем целесообразным проанализировать специфическую правовую природу этого института.

Конституционная ответственность иногда предшествует иным видам ответственности (административной, уголовной, дисциплинарной). Так, например, из 10 случаев отрешения от должности Президентом РФ глав исполнительной власти субъектов с формулировкой “утрата доверия” в период с 2005 по 2017 г. в восьми за отставкой следовала уголовная ответственность. А в некоторых случаях иные виды ответственности не могут быть применены до тех пор, пока субъект не будет привлечен к конституционной ответственности. Например, в случае отрешения Президента РФ от должности после конституционно-установленной процедуры, предусмотренной ст. 93 Конституции РФ, последует привлечение к уголовной ответственности.

Отдельные виды конституционно-правовых санкций не предполагают применения еще и иных видов юридической ответственности (прекращение действия или приостановление действия правовых актов, отказ в регистрации, признание итогов голосования, результатов выборов, референдума недействительными и др.).

Не менее важной особенностью конституционной ответственности является ее политико-правовой характер. С одной стороны, она является разновидностью юридической ответственности и применяется в предусмотренных конституционными нормами случаях к субъектам конституционной ответственности. С другой – с ее помощью упорядочиваются отношения, возникающие в сфере государственного управления, обеспечивается устойчивость функционирования государственного аппарата.

Эта особенность объясняет и тот факт, что конституционная ответственность может наступать не только в случае неисполнения обязанностей и несоблюдения запретов, но и в случае правомерного поведения. Так, согласно п. “б” ч. 1 ст. 103 Конституции РФ к ведению Государственной Думы Федерального Собрания РФ относится решение вопроса о доверии Правительству РФ. Однако если Государственная Дума воспользуется этим правом и объявит недоверие, то может быть распущена Президентом РФ с целью урегулирования конфликта между ветвями власти. И это – задача не столько правовая, сколько по-

литическая. Причем в этом случае у депутатов Государственной Думы даже не будет возможности обжаловать такое “наказание”, как это могло бы быть возможным в других случаях привлечения к ответственности.

Полагаем, что в данном случае необходимо ввести особый процессуальный порядок привлечения к ответственности, предполагающий в том числе и порядок обжалования роспуска Государственной Думы, наделив полномочиями по рассмотрению таких дел Конституционный Суд РФ, который, принимая решение по делу, должен будет установить, что недоверие Правительству РФ со стороны Государственной Думы вызвано конкретными обстоятельствами, а в Конституции РФ закрепить перечень обстоятельств, которые могут лечь в основу решения о недоверии. Эти законодательные изменения не только подчеркнут специфику конституционно-правовой ответственности, но и не оставят сомнений в ее статусе в качестве разновидности ответственности юридической.

Проблеме административного наказания в административно-правовой политике и механизме административно-правового регулирования посвятил свое выступление **канд. юрид. наук Р.В. Зелепукин**. На взгляд автора, в юридической науке недостаточно внимания уделено соотношению и изучению взаимосвязи правовой политики и механизма правового регулирования, отражающих динамику права. Поставив в центр внимания еще одну фундаментальную категорию юриспруденции – “наказание”, возможно предпринять попытку рассмотреть правовую политику, механизм правового регулирования и наказание в единой системе в контексте конкретной отрасли – административного права.

Анализируя административное наказание в системе позитивного права, можно констатировать, что в Особенной части КоАП РФ большинство санкций включают такой вид административного наказания, как административный штраф, который является денежным взысканием (ст. 3.5). Этот вид наказания ограничивает имущественные интересы лица, совершившего административное правонарушение. Указанное обстоятельство раскрывает компенсационную функцию и административной ответственности, и административного наказания в проводимой административно-правовой политике.

Рассматривая институциональное обеспечение административного наказания, следует отметить, что оно применяется широким кругом уполномоченных на рассмотрение дел об административных правонарушениях органов и должностных лиц. Данное обстоятельство предопределяет административно-процессуальную сторону института административного наказания в административно-правовой политике и отраслевом механизме правового регулирования.

Круг уполномоченных лиц, включающих в себя как судебные инстанции, так и органы исполнительной власти, раскрывает качественное отличие административного наказания от других мер принуждения. С одной

стороны, это способствует снижению нагрузки на суды, особенно учитывая объемы совершения административных правонарушений. С другой — отмечается специализация уполномоченных органов. Указанные обстоятельства не снижают роли суда в назначении административных наказаний, которым по определению отводится рассмотрение более значимых административных правонарушений в системе административно-деликтного законодательства.

Автором были сформулированы следующие выводы:

1) элементный состав механизма правового регулирования включает в себя административное наказание как меру государственного принуждения, обеспечивающего и отраслевую правовую политику, и механизм правового регулирования;

2) одним из критериев эффективности административно-правового механизма регулирования является соразмерность административного наказания как меры ответственности за предусмотренное правонарушение;

3) анализ санкций законодательства об административных правонарушениях позволил установить в качестве наиболее распространенного такой вид наказания, как административный штраф, что демонстрирует компенсационную функциональную направленность административного наказания в отраслевой правовой политике;

4) особенность административного наказания как элемента и правовой политики, и механизма правового регулирования состоит в том, что субъектами его применения помимо судов являются должностные лица и органы власти, обладающие специальной компетенцией и знаниями в конкретной сфере государственного управления.

Как полагает Р.В. Зелепукин, правильная расстановка сил и их оценка в рамках административно-правовой политики непосредственно влияет на эффективность механизма правового регулирования.

Заместитель заведующего кафедрой теории и истории государства и права ТГУ им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук, доц. О.В. Белянская осветила тему *“Гарантии права человека на справедливое судебное разбирательство как конститутивная основа и предпосылка эффективности наказательной политики государства”*.

Как было отмечено, закрепленное в п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека право на справедливое судебное разбирательство является конститутивной основой системы гарантирования прав человека при осуществлении правосудия. Определяя сущность и содержание гарантий прав человека на справедливое судебное разбирательство, следует подчеркнуть, что их действие должно охватывать всех участников процесса реализации наказания — как самого правонарушителя, так и потерпевшего. Гарантирование прав потерпевшего не менее важно, чем права лица, привлекаемого к ответственности. Это является предпосылкой эффективности наказательной политики государства.

В современной юридической науке в настоящее время нет единства мнений по поводу сущности и

содержания наказательной политики государства. Как представляется, наказательная политика есть выражение государственной доктрины по созданию механизма предотвращения правонарушений посредством формирования адекватного современным реалиям законодательства, практики его применения и выработки мер по его реализации, направленных на предупреждение правонарушений в различных сферах общественных отношений.

Традиционно называют и активно изучают два ее вида — уголовную и административную. Но правонарушитель и потерпевший есть в любых сферах отношений, в связи с чем наказательная политика проявляется не только в гражданско-правовых правоотношениях, но и в финансовых, трудовых и экологических — везде, где требуется защита в судебном порядке.

По мнению О.В. Белянской, неоправданно часто гарантии права человека на справедливое судебное разбирательство рассматриваются как исключительно процессуальные гарантии, которые выражаются в проведении судебного слушания в соответствии с определенными процессуальными требованиями, например такими, как возможность допросить свидетелей или представить соответствующие доказательства. Это не совсем верно: существование данных гарантий выражает право на справедливый результат или справедливое судебное решение, т.е. таковые одновременно выступают в качестве гарантий материальных прав.

Можно утверждать, что целью п. 1 ст. 6 Конвенции является гарантирование справедливого отправления правосудия по отношению к любому лицу как при оценке, так и определении его законных прав и обязанностей. Неверно полагать, что гарантии права человека на справедливое судебное разбирательство предназначены лишь для определенных прав, в частности прав осуждаемых лиц, как это чаще всего трактуется в юридической науке, — но и для прав лиц на иных участках судебного разбирательства, включая все права в отношении потерпевших (как физических, так и юридических лиц), которых также необходимо включить в качестве субъектов реализации наказательной политики.

В выступлении **начальника факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, д-ра юрид. наук, доц. Р.Б. Осокина и ассистента кафедры уголовного права и процесса ТГУ им. Г.Р. Державина В.Г. Кокорева** было обращено внимание на проблему соответствия санкции ст. 148 УК РФ общественной опасности деяния, сопряженного с оскорблением религиозных чувств верующих.

Санкция уголовно наказуемого деяния представляет собой своеобразный критерий оценки общественной опасности преступления со стороны государства. В свою очередь, общественная опасность преступления — это исторически изменчивая категория, так как при разных исторических эпохах в соответствии с моральным, нравственным, религиозным и социально-экономическим развитием общества одни деяния при-

знавались уголовно наказуемыми, а иные — декриминализировались. Общественная опасность считается внутренним свойством преступления, выражающимся в объективной способности деятельности лица причинить либо создать угрозу причинения вреда, что в результате находит свою юридическую оценку в запрете совершения деяния.

При этом следует заметить, что в настоящее время в Российской Федерации происходит поиск оптимальной модели уголовно-правовой охраны реализации права на свободу совести и вероисповеданий, о чем свидетельствует принятый Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ “О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан”, установивший, в частности, уголовную ответственность за деяние, сопряженное с оскорблением религиозных чувств верующих (ч. 1, 2 ст. 148 УК РФ).

Исходя из анализа ст. 15 УК РФ, предусматривающей дифференциацию преступлений по категориям, мы можем отнести рассматриваемое деяние к преступлениям небольшой тяжести. Однако большая степень общественной опасности относится к публичным действиям, выражающим явное неуважение к обществу и совершенным (в целях оскорбления религиозных чувств верующих) в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний, так как санкция содержит в качестве альтернативного наказания лишение свободы до трех лет. При этом виновному лицу может быть назначено к основному наказанию (лишению свободы) в качестве дополнительной меры государственного принуждения ограничение свободы. На степень общественной опасности данного деяния в незначительной степени повлияло событие, произошедшее 21 февраля 2012 г. в Храме Христа Спасителя, когда группа “Pussy Riot” устроила “панк-молебен”.

Согласно анализу некоторых уголовных кодексов зарубежных стран, в которых предусмотрена ответственность за подобное деяние (например, УК Республики Польша, УК Швейцарии, УК Испании и т.д.), а также принципу исторических традиций, который выделяется в рамках социально-психологических принципов криминализации деяний, в частности, исходя из анализа Закона РФ от 27 августа 1993 г. № 5668-1 “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях” (которым в том числе была введена уголовная ответственность за оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии), можно прийти к выводу, что санкция ч. 1, 2 ст. 148 УК РФ соответствует степени общественной опасности.

Профессор кафедры уголовного права и прикладной информатики в юриспруденции Тамбовского государственного технического университета, д-р юрид. наук, доц. М.А. Желудков выступил на тему *“Некоторые вопросы реализации государственно-правовой политики*

в сфере регулирования общественных отношений при назначении уголовных наказаний и освобождении от их отбывания”. Актуальность, по его мнению, заявленной проблемы заключается в том, что реализация государственно-правовой политики в сфере регулирования общественных отношений при назначении уголовных наказаний и освобождении от их отбывания предполагает в том числе решение различных проблемных вопросов по защите прав и законных интересов лиц, в отношении которых приняты такие решения, а также лиц, пострадавших от преступлений.

Проведенный анализ уголовных дел и судебной практики позволил выделить отдельные законодательные пробелы и противоречия, которые создают в общественном сознании мнение об отсутствии государственной системы защиты прав граждан, не по своей воле вовлеченных в уголовное судопроизводство. Так, к глубокому сожалению, использование амнистии, например, к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне несет в себе не только гуманистический посыл к обществу, но и значительно (в отрицательном смысле) влияет на состояние правовых норм по защите граждан. Ни в Законе, ни в литературе нет ссылок на следующие аспекты применения амнистии: возмещение ущерба или примирение с потерпевшим, т.е. государство с помощью амнистии, которая назначается по разнообразным поводам, решает свои задачи по снижению числа лиц, отбывающих наказание, а также проявляет милосердие, прощение к отдельным лицам в гуманистическом аспекте с учетом памятных дат государственных праздников. Однако законодатель забыл дать ссылку на нормативно-правовой акт, где данный принцип гуманизма прописан. Ведь если руководствоваться уголовным правом, то ст. 7 УК РФ в содержание принципа гуманизма закладывает тезис о том, что “уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства”.

На основе подобного тезиса логично было бы в постановлении об амнистии пояснить, безопасность каких лиц обеспечивается принятым решением и каким образом в нем отражены вопросы ограждения от физических страданий или унижения человеческого достоинства. Заметим и то, что милосердие к преступникам применяется государством без учета мнения общества, а особенно лиц, пострадавших от преступлений. Проведение каждой амнистии в России проходит произвольно, субъективно и не на системной основе. Полагаем, что реализация подобной политики не должна проходить в виде формального снисхождения к отдельным преступникам.

Возможно, в данном аспекте принцип гуманизма при применении амнистии следует соединить с принципом справедливости. Право на применение амнистии должно быть предоставлено только судебным органам с учетом того, что именно в приговоре окончательно устанавливается размер причиненного

вреда и определяется лицо, виновное в совершении преступления. Требуется наличие в уголовном процессе правовых основ возмещения потерпевшего против использования амнистии. Таковые следует отразить в Уголовно-процессуальном кодексе РФ с учетом ограничительных норм, закрепляющих порядок и момент окончания возмещения ущерба. Освобождение от уголовной ответственности и наказания должно быть не только обязательным для правоохранительных органов и судов, но и эффективным, справедливым, реальным для всего общества, и особенно для потерпевших.

Доцент кафедры гражданского права ТГУ им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук, доц. В.В. Булгаков в своем выступлении озвучил идею справедливости в правоохранительной практике осуществления наказаний в контексте современных условий реформирования системы органов внутренних дел. По его мнению, реформирование системы МВД России является закономерным процессом. Должны создаваться эффективные механизмы для обеспечения внутренней дисциплины и внешнего контроля, а также надзора за должностными лицами. Необходимо обеспечить беспристрастности и нейтралитета, а значит, законности, профессионализма и отсутствия произвола в принятии решений, что позволит им выражать истину по делу, а равно быть справедливыми и отвечающими запросу общества на эффективность правоохранительной системы в стране.

Сравнительно-правовой анализ систем наказаний некоторых стран в контексте уголовно-правового обеспечения устойчивого развития государств был проведен в выступлении **доцента кафедры уголовного права и процесса ТГУ им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук, доц. М.В. Ююкиной**. Отмечено, что система наказаний есть исчерпывающий перечень видов наказаний, предусмотренный уголовным законом, обязательный для исполнения судами и расположенный в определенной последовательности. Система наказаний представляет собой весьма разнообразный перечень видов, что позволяет реализовываться на практике одному из методов уголовной политики, а именно: дифференциации и индивидуализации наказания.

Одним из показателей качества уголовного закона служит адекватная, жизнеспособная система наказаний, применение которой может привести к достижению всех поставленных перед наказанием целей и, как следствие, обеспечению устойчивого развития государства в условиях глобализации.

Система наказаний по УК РФ предусматривает следующие виды: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы.

Если проанализировать системы наказаний других государств, то можно увидеть схожесть систем российского уголовного закона и уголовных законодательств стран СНГ. Так, при первом рассмотрении УК РФ, УК Украины и УК Республики Беларусь создается впечатление, что три рассматриваемые системы наказаний являются практически идентичными, расхождения наблюдаются лишь за некоторым исключением. Но при детальном анализе видно, что системы наказаний Украины и Республики Беларусь имеют больше шансов считаться эффективными в сравнении с российской системой.

Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, большее соответствие расположения видов наказаний в системе требованию их развития от более мягкого вида к более строгому. Во-вторых, присутствие конфискации имущества в качестве дополнительного наказания в УК Украины. В-третьих, адекватное отношение к такому виду наказания, как арест, что выражается в пропорциональном соотношении сроков данного вида наказания и наказания в виде лишения свободы. В-четвертых, более ясная и действенная формулировка наказания в виде ограничения свободы. В-пятых, отсутствие дублирующих наказаний. В-шестых, нет неприменяемых видов.

Что касается системы наказаний других европейских (и не только) государств, то перечень входящих в них видов намного скромнее ранее озвученных систем. Чаще всего в качестве наказаний предусматриваются такие виды наказаний, как штраф, лишение свободы как срочное, так и пожизненное.

Таким образом, одна из основных особенностей практически всех современных систем наказаний — их гуманистический характер. Из систем изымаются наказания, которые с точки зрения современной правовой политики и общественного сознания рассматриваются как антигуманные. Самым ярким примером этого является пересмотр повсеместно отношения к смертной казни. Увеличивается количество наказаний, не связанных с лишением свободы. Больше внимания стало уделяться иным мерам уголовно-правового характера вместо наказаний, что также свидетельствует о дальнейшем курсе уголовной политики на гуманизацию вообще и системы наказаний, в частности.

Младший научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований ТГУ им. Г.Р. Державина, доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. ист. наук В.В. Свиридов посвятил свое выступление освещению с применением компаративного и хронодискретного подходов динамики института наказаний в истории права.

Как было отмечено, наказание как моральная и нравственная категория или как практическое средство принуждения было известно еще в догосударственный период развития цивилизации. Уже в глубокой древности люди в качестве кары за причиненный вред или обиду прибегали, например, к кровной мести. Она являлась достаточно универсальным и распространенным явлением и могла выступать в качестве способа воздействия на любое поведение, вы-

ходящее за рамки существовавших стереотипов. Подобные меры и действия нет необходимости напрямую отождествлять с современным социально-правовым институтом наказания. Однако они вполне уместны в роли своеобразной точки отсчета или начальной стадии развития института уголовного наказания.

В ходе становления государственных структур, претендующих на монополизацию мер правового воздействия, наказание трансформировалось и приобрело новые форму и содержание. Так, под опекой государства и влиянием развивающихся общественных отношений появился институт уголовного наказания, который за время своего многолетнего существования прошел путь не только эволюционного, но иногда и революционного развития и стал одним из ключевых и системообразующих элементов современного уголовного права.

Институт наказания — сложное и неоднозначное явление юридического и социально-нравственного характера. В истории его развития можно выделить несколько основных периодов и знаковых рубежей, особенностей и характерных для различных государственных традиций черт. Отсюда появляется необходимость систематизации и анализа имеющегося фактологического материала, определенной стратегии исследования. Подобными методологическими приемами, позволяющими исследовать институт наказания в динамике и выявить различные уровни функционирования данной системы, являются компаративный и хронодискретный подходы. Так, компаративный подход возможно использовать при анализе правовой реальности, образующейся в связи с процессами назначения и исполнения наказания в разных государственно-правовых системах как прошлого, так и настоящего. Хронодискретный подход можно применить при исследовании проблем преемственности и некоторых традиций, существующих в структуре института наказания различных государств. Компаративный и хронодискретный подходы позволяют подойти к изучению института наказания с позиции отдельных взаимодействующих элементов (конкретных видов наказаний) и рассмотреть их как целостную, единую и динамическую систему.

Данные методологические начала достаточно активно используются в теории и истории права и в меньшей степени применяются отраслевыми дисциплинами. Современная отраслевая юриспруденция находится в постоянном движении и динамичном развитии. Это связано с насущной необходимостью соответствовать требованиям и вызовам, предъявляемым обществом. Поэтому особую роль в этом процессе развития должны играть поиск новых способов познания и опора на уже существующие и используемые в теории и истории права конструкции.

Тема *“Патриотический вектор правовоспитательной формы государственно-правовой политики современной России как фактор укрепления основ законности и правопорядка в обществе”* была представлена в выступлении заместителя директора Института права и национальной безопасности ТГУ им. Г.Р. Державина по инновационно-производственной работе, канд. пед.

наук, доц. А.Н. Лосева и зав. кафедрой специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности, канд. пед. наук, доц. С.В. Новикова. В частности, отмечено, что длительное социально-экономическое реформирование в Российской Федерации, сопровождавшееся резким социальным расслоением, падением уровня жизни, безработицей и неуверенностью в завтрашнем дне у подавляющего большинства россиян незамедлительно отразилось на духовно-нравственной картине общества. В общественном сознании стали преобладать нотки эгоизма, индивидуализма, пренебрежения к закону и государству, превалирования материального над духовным. Все это стало благодатной почвой для роста большого количества групп националистической и экстремистской направленности. Хаотичные попытки заместить устаревшую вертикаль воспитательной системы новыми веяниями и даже западными образцами (например, скауты) потерпели неудачу. Однако на современном этапе мы видим ряд государственных инициатив, которые нашли поддержку у населения и несут большой воспитательный потенциал. Реализации данных инициатив, направленных на повышение уровня патриотизма среди населения, должна проходить, по мнению авторов, в рамках правовоспитательной формы государственно-правовой политики современной России, результаты реализации которой станут залогом укрепления основ законности и правопорядка в обществе.

Доцент кафедры теории государства и права СГЮА, канд. юрид. наук Р.С. Маркунин в своем выступлении отметил сходства и различия систем ответственности и наказания. По мнению автора, большинство юридических явлений можно представить в виде системы с присущими ей признаками. Многие системные явления направлены на достижение схожих целей и взаимодействуют друг с другом, решая при этом поставленные перед ними задачи, в том числе и такие системы, как ответственность и наказание. Четкого разграничения этих систем в науке не проводилось в связи с отсутствием единой позиции по вопросу соотношения самих понятий “ответственность” и “наказание”. Проведенный анализ позволяет предложить авторский подход к определению данных явлений. Юридическая ответственность — обязанность субъекта претерпевать для себя последствия в связи с совершением юридически значимого деяния. Наказание — одна из публично-правовых форм реализации юридической ответственности в виде применения компетентным органом меры государственного принуждения, заключающейся в неблагоприятных последствиях для лица, совершившего противоправное деяние. При сопоставлении систем ответственности и наказания можно наблюдать принципиальные различия в составе элементов. Такой элемент, как основания ответственности для системы юридической ответственности представлен в виде конкретных обстоятельств, с наступлением которых законодатель связывает возникновение обязанности для лица нести различного рода последствия. Учитывая наличие позитивной ответственности, данные последствия нельзя трактовать исключительно как негативные для субъекта. В системе наказания для применения необ-

ходимого его вида основанием будет вынесение конкретного правоприменительного акта компетентным органом. Вступление в силу данного акта будет являться юридическим фактом обоснованности карательных последствий для субъекта за совершенное деяние. Без наличия правоприменительного акта наказание невозможно.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что ответственность и наказание, как и их системы, тесно взаимосвязаны. Степень работоспособности и эффективного взаимодействия этих систем есть показатель уровня их регламентации и закрепления в нормативно-правовых актах. Внутрисистемные элементы могут быть идентичными, являясь структурными составляющими обеих систем, к примеру субъекты ответственности и наказания. Однако наличие различных оснований реализации ответственности и видов наказаний для данных систем не позволяет их рассматривать в качестве тождественных. Помимо сказанного отличием этих систем будет наличие различных целей. Для системы ответственности это — достижение высокого уровня законности и правопорядка, а для системы наказания — восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых правонарушений. В данном случае цели системы наказания являются видовыми по отношению к целям системы юридической ответственности, что объясняется более богатым содержанием последней.

В выступлении **доцента кафедры гражданского права и процесса Юридического института Тамбовского государственного технического университета, канд. юрид. наук, доц. А.Н. Шепелева** в контексте рассматриваемой темы “круглого стола” была обозначена проблема ответственного отношения к составлению юридических документов как предпосылке недопущения избыточной юридической (в частности, гражданско-правовой) ответственности, которую можно избежать, грамотно формулируя договорные положения.

По мнению выступающего, практически в каждой отрасли российского права содержатся нормы, так или иначе связанные с экономической политикой государства. Значительное большинство норм, определяющих эту политику, сосредоточено в гражданско-правовой сфере, с которой связаны имущественные отношения стоимостного характера. Предпринимательство как активная экономическая деятельность, направленная на систематическое получение имущественной прибыли, характеризуется особым стилем правового поведения, в основе которого — сочетание следования установленным правилам и постоянного поиска новых возможностей, готовность к риску, ориентация на инновации.

Договоры в предпринимательской деятельности занимают первостепенное место. Как следствие, знание всех аспектов их построения и функционирования крайне важно для эффективного осуществления предпринимательской деятельности. Семантика терминов в языке договоров существенно отличается от терминологии любого проявления официально-делового стиля. Проявление специфики языка договоров выражается также их структурой. Единых требований в этой сфере

нет, однако на практике структура договора достаточно статична и включает преамбулу, подпункты, пункты, разделы, заключение и др. При составлении договоров необходимо использовать слова и правовые формулировки обдуманно, профессионально грамотно. Любое профессионально неграмотное выражение может стать предметом спора в суде и привести к негативным последствиям в виде гражданско-правовой ответственности, которую в широком смысле можно рассматривать как наказание.

В выступлении **старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права (аспиранта) ТГУ им. Г.Р. Державина В.Ю. Самородова** актуализируется проблема культуры законодательства в сфере наказаний, рассматриваются ее теоретические и прикладные стороны. Отмечено, что в настоящее время проблемам современного законодательства уделяется большое внимание; данный правовой институт приобретает всё большую актуальность у исследователей. Предпринимаются попытки исследования и решения законодательских проблем с различных позиций.

Одним из актуальных подходов, требующих дополнительного теоретического исследования, является рассмотрение законодательского процесса на базе общенаучной парадигмы культуры. Проблема законодательской культуры, во многом обозначенная Д.А. Керимовым в его работе “Культура и техника законодательства” (М., 1991), продолжает получать своё теоретическое наполнение и обоснование. В этой связи исследование культуры законодательства в сфере наказаний видится особенно важным и актуальным, так как нормы законов, являющиеся своеобразными продуктами правового творчества, содержащие в себе наказания, могут и должны приниматься максимально взвешенно и продуманно в формате проводимого культурно-организованного законодательства.

Законодательство, как и любая иная человеческая деятельность, должно быть подчинено определенному порядку, не мешающему в то же время раскрытию творческого потенциала. Правовое творчество как деятельность властных органов, обусловленное большим количеством социокультурных факторов, не должно их игнорировать и утрачивать связь с обществом. Проектирование справедливого наказания возможно только в том случае, если оно опирается на социокультурную природу права. Ведь именно правотворчество, создавая или изменяя норму права, закладывает либо редактирует фундаментальные начала справедливости того или иного наказания. В сфере наказаний эта категория особенно важна, и законодателю необходимо это учитывать.

Для повышения качества и эффективности законодательского процесса в сфере наказаний к нему необходимо предъявлять ряд культурных требований:

выражение социальной природы права в норме права и, соответственно, в наказании (игнорирование социальной природы права законодателем может привести к излишней “искусственности” нормы права и утрате связи с общественными ценностями и моралью, нарушению органичности права);

соблюдение всех правил юридической техники, что непременно должно повысить качество и определенность регламентации санкции в норме права, сделать её понятной и работоспособной;

культура субъектов законотворческого процесса (законопроекты создает не безликая машина, а именно люди, которые вносят в содержание законопроекта все его основные элементы);

иные культурные требования, связанные как с отдельными стадиями законотворческого процесса, так и с законотворчеством в целом, соблюдение которых может способствовать прогрессу законотворческого процесса на всех уровнях.

Законотворческий процесс должен быть культурно-организованным. Научная разработка и практическое осуществление обозначенных культурных требований, перечень которых может быть дополнен и детализирован, помогут в построении системы наказаний, сделав их более разумными, справедливыми, определенными, эффективными, гуманными, и, самое главное, – укрепят связь между этими качественными критериями в структуре права, признаваемого общественным сознанием. Ведь культура – это проводник между конструируемым законом и обществом, посредством которого право наполняется своими ценностными качествами.

Старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, канд. юрид. наук К.И. Голубцова посвятила свое выступление особенностям и проблемам исполнения наказания в виде исправительных работ. По ее мнению, особенностью наказания в виде исправительных работ является совокупность трудовых, материальных и иных ограничений свобод и прав осужденных, реализуемых без изоляции от общества в процессе их участия в общественно полезном труде для государства.

Рассматривая сущность исправительных работ, К.И. Голубцова отметила, что осужденные граждане к данному виду наказания ограничены в регламентируемом нормой ч. 5 ст. 37 Конституции РФ праве на отдых. Гражданину, который работает по трудовому договору, Конституцией РФ гарантируются установленные Федеральным законом продолжительность рабочего времени, праздничные и выходные дни, а также оплачиваемый ежегодный отпуск. Отметим, что, в свою очередь, в норме ч. 6 ст. 40 УИК РФ закреплено, что в период отбывания исправительных работ ежегодный оплачиваемый отпуск осужденного составляет 18 рабочих дней. Данный отпуск предоставляется администрацией организации по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией ФСИН России. Другие же виды отпусков, которые предусматриваются законодательством Российской Федерации о труде, осужденным предоставляются на общих основаниях.

Особое внимание следует уделить запретам и обязанностям, закрепленным в УИК РФ. Указанные в ст. 39 обязанности и запреты устанавливаются осужденному к исправительным работам с целью предупреждения совершения им новых преступлений. Исчерпывающий

перечень запретов и обязанностей для осужденных к исправительным работам устанавливается п. 7.2 Инструкции. Данный перечень позволяет с учетом степени общественной опасности и характера совершенного преступления, личности осужденного, его поведения, а также в целях предупреждения совершения им новых правонарушений устанавливать для осужденного соответствующие запреты и обязанности. К таковым необходимо отнести следующие: запрет пребывания вне дома в определенное время суток; запрет пребывания в определенных местах города либо района; обязательная явка в уголовно-исполнительную инспекцию до двух раз в месяц с целью регистрации; запрет покидать место жительства не только в выходные дни, но и в период отпуска. Наложение дополнительных запретов и обязанностей является профилактическим фактором предупреждения совершения осужденным к исправительным работам нового преступления.

Установленные запреты и обязанности весьма весомо затрагивают правовой статус осужденных, поскольку они ограничивают осужденного в реализации им прав, предусмотренных Конституцией РФ. Так, осужденные не могут в полной мере реализовать своё право на свободу, которое предусмотрено нормой ч. 1 ст. 22 Конституции РФ.

Таким образом, налицо коллизия конституционного, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, и устранить ее можно только путем внесения изменений в УК РФ или в УИК РФ. С точки зрения К.И. Голубцовой, более правильным было бы установить дисциплинарную или административную ответственность за нарушение установленных инспекцией запретов и возложенных обязанностей осужденными, привлекать их как к исправительным, так и к обязательным работам.

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, канд. юрид. наук Н.А. Макарова в своем выступлении рассмотрела наказание и юридическую ответственность как компоненты правового и государственного принуждения. Отметила, что определению соотношения категорий “наказание” и “юридическая ответственность” в отечественной юридической науке посвящено немало научных трудов. Вместе с тем грань между указанными явлениями не всегда достаточно четко прослеживается как в теоретических, так и в прикладных юридических исследованиях.

Не менее сложным, считает Н.А. Макарова, является и вопрос о соотношении государственного и правового принуждения. Большинство специалистов сходятся во мнении, что в современном правовом государстве государственное принуждение может иметь не иначе как правовую форму. Отсюда и разделение правового и государственного принуждения нецелесообразно. Эти, на первый взгляд, далекие друг от друга теоретические аспекты имеют весьма тесную взаимосвязь.

Прежде всего необходимо четко разграничить правовое и государственное принуждение, что позволит соотносить категории “наказание” и “юридическая ответственность”.

Аргументы сторонников отождествления правового и государственного принуждения видятся несостоятельными, так как наличие тесной взаимосвязи между явлениями не означает их полной идентичности. Например, никем не ставится под сомнение наличие собственных определений понятий “право” и “государство”, их признаков, функций, механизмов и т.д. Отсюда, безусловно, можно вести речь и о самостоятельности правового и государственного принуждения, которая подразумевает, что соответствующее (правовое) воздействие не обязательно носит сугубо физический характер. Данные суждения позволяют логично соотнести правовое и государственное принуждение, наказание и юридическую ответственность.

Меры юридической ответственности, содержащиеся в нормативно-правовых актах, оказывают принудительно-психологическое воздействие, потому юридическая ответственность может быть отнесена к мерам правового принуждения, выступая его компонентом. В то же время наказание представляет собой сложный комплекс мер юридической ответственности “в их действии”, а также реализацию ряда мер неправового характера (общественное порицание и проч.). Таким образом, именно наказание, а не юридическая ответственность выступает компонентом государственного принуждения, которое, в отличие от принуждения правового, обязательно характеризуется как налично-действующее.

Доцент кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности ТГУ им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук, доц. Т.В. Плотникова и доцент кафедры специальной подготовки и обеспечения национальной безопасности, канд. пед. наук А.В. Парамонов сосредоточили внимание на вопросах миротворческой деятельности частных военных компаний (ЧВК) как факторе обеспечения безопасности государства.

ЧВК – это зарегистрированная частная высококодородная коммерческая структура, укомплектованная высококлассными техническими специалистами, контролируемая государством и работающая в интересах государства, и в этом ее коренное отличие от классических отрядов наемников и террористов. ЧВК (по большому счету) частными являются лишь относительно, потому что работают практически в государственных интересах, преследуют те же цели и следуют тем же планам, что и регулярные армии, хотя им предоставлена свобода в выборе средств достижения данной цели.

В современных военных конфликтах частные военные компании фактически представляют собой разновидность подразделений специального назначения регулярных вооруженных сил. Частные военные компании – это структуры, которые занимаются решением специальных задач в регионах со сложной военно-политической обстановкой по заказу государства. Задачи, решаемые ЧВК: охрана, сопровождение людей и грузов в условиях боевых действий, разминирование минных полей и объектов, противоминная защита, тыловое снабжение экспедиционных войск, авиаразведка, защита морских перевозок, консультации, обучение в сфере безопасности и многое другое.

ЧВК – значимый ресурс обеспечения безопасности в мире. Для повышения эффективности миротворческих усилий международного сообщества в целом необходимо больше внимания уделять предупреждению возникновения или “разгорания” вооруженного конфликта, а также предотвращению военных действий там, где они еще не начались.

Важно, чтобы в миротворческих операциях с применением в том числе ресурса ЧВК соблюдались основополагающие международно-правовые нормы и не нарушались права человека и суверенных государств, как бы сложно ни было это совместить. Особенно актуально такое совмещение (или хотя бы его попытка) в свете новых операций последних лет, получивших название “гуманитарное вмешательство” (или “гуманитарная интервенция”), которое проводится в интересах отдельных групп населения. Нельзя допустить, чтобы вмешательство в конфликт извне под лозунгом борьбы за мир и безопасность или защиты прав человека превращалось в неприкрытую вооруженную интервенцию и агрессию.

Помощник судьи Тамбовского областного суда К.Е. Торчилин рассмотрел проблемы правовой регламентации судебного штрафа в нормах Уголовного кодекса РФ. Отмечено, что важное направление современной уголовной политики России образует деятельность по гуманизации норм и институтов УК РФ. В контексте реализованных законодателем в обозначенном русле мер, включающих, в частности, декриминализацию определенных деяний и исключаящих из санкций отдельных статей Особенной части УК РФ указаний на нижние пределы наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, особый интерес приобретает произошедшая в недалекой ретроспективе депенализация, выраженная во введении в УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ качественно нового основания для освобождения от уголовной ответственности – назначения судебного штрафа.

Отмечая общую ценность для совершенствования уголовного закона целенаправленной активности законодателя по поводу развития и расширения положений гл. 11 УК РФ, следует также обратить внимание на то, что научное сообщество неоднозначно оценило проведенное преобразование. В высказанных по этому поводу доктринальных позициях преобладает критика, анализ которой позволяет выделить ряд аспектов правовой регламентации судебного штрафа, связанных с существованием недостатков института судебного штрафа.

Во-первых, правовое регулирование судебного штрафа в действующей редакции УК РФ не позволяет однозначно установить его юридическую природу, так как регламентирующие судебный штраф нормы отнесены законодателем одновременно к двум различным институтам уголовного права: к основаниям для освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.2 УК РФ) и к иным мерам уголовно-правового воздействия (ст. 104.4, 104.5 УК РФ). Российские ученые обоснованно отмечают нелогичность подобного подхода, так как указанные институты обладают дифференцированными наборами признаков, функ-

ций и целей, а на их корреляцию налагаются определенные правовые ограничения.

Во-вторых, в предписаниях норм Общей части УК РФ закреплены условия освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, но не определены основания назначения такового, которыми в идеале должны являться конкретные, формально определенные обстоятельства, установление судом наличия которых указывало бы на рациональность освобождения лица от ответственности по анализируемому нереабилитирующему основанию. Принимая во внимание отсутствие соответствующих нормативных предписаний и в УПК РФ, а также неимение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по поднятому вопросу, уместно утверждать, что такое нормативное регулирование может повлечь разрозненность правоприменительной практики, затруднить нормальное функционирование института судебного штрафа, негативно сказаться на законности судебных решений.

В-третьих, правила, закрепленные в диспозициях ч. 1, 2 ст. 104.5 УК РФ, представляется возможным оценить в качестве фрагментарно регламентирующих порядок определения размера судебного штрафа: установив максимальный размер судебного штрафа, законодатель не определил его минимального размера. Кроме того, максимальный размер судебного штрафа по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести никак не дифференцирован.

В-четвертых, в предписании ст. 25.1 УПК РФ правом на заявление ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа наделяется ограниченный круг субъектов, не включающий участников уголовного судопроизводства со стороны защиты.

Изложенные существенные недостатки не исчерпывают описанных учеными проблем института судебного штрафа, но указывают на острую необходимость совершенствования регламентирующих судебный штраф правовых норм и актуализируют соответствующие профильные исследования.

Доцент кафедры конституционного и международного права ТГУ им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук, доц. С.В. Воробьева представила тезисы доклада, посвященные проблеме преступлений против безопасности государства, а также теоретико-практическим

аспектам совершенствования системы уголовных наказаний за данный вид преступных деяний. В частности, отмечена необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства по вопросу преступлений против безопасности государства, согласования в связи с данным предметом отдельных положений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ.

Аспирант кафедры уголовного права и процесса ТГУ им. Г.Р. Державина А.В. Воробьев рассмотрел проблематику преступлений против мира. Была также констатирована важность совершенствования национальной и международной правовой регламентации в этой юридической области, создания эффективно действующих правоохранительных механизмов.

Доцент кафедры теории и истории государства и права ТГУ им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук, доц. С.С. Худяков обратил внимание на крайне важный аспект процессов в государственно-правовых системах, а именно: роль гражданского общества в определении вектора и содержания законодательной политики в целом современного Российского государства, и в частности – в сфере правовых наказаний.

В работе “круглого стола” приняли участие **студенты 3 курса Института права и национальной безопасности ТГУ им. Г.Р. Державина Е.А. Чернышова (“Пенализация и депенализация как основные категории уголовно-правовой политики”)** и **А.В. Колодина (“Уголовно-правовая политика государства в области преступлений против личности”)**, а также практикующие юристы, представители общественных организаций, профессорско-преподавательского состава, аспиранты, магистранты, студенты уровня бакалавриата высших учебных заведений Тамбовской области и других регионов.

В заключение мероприятия **проф. А.В. Малько** отметил продуктивность работы “круглого стола” (полные материалы докладов которого будут опубликованы в научно-образовательном ежегоднике “Государственно-правовые исследования”) и выразил надежду на формирование и эффективную практическую реализацию комплексной, научно обоснованной, основанной на достижениях современной юридической доктрины российской государственно-правовой политики в сфере наказаний.

**THE STATE-LEGAL POLICY OF MODERN RUSSIA
IN THE SPHERE OF PUNISHMENTS: THE ISSUES OF THEORY
AND PRACTICE (A REVIEW OF THE MATERIALS
OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC “ROUND TABLE”
OF THE JOURNALS “STATE AND LAW”, “LEGAL POLICY AND
LEGAL LIFE”, “ACTUAL PROBLEMS OF THE STATE AND LAW”
AND THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL YEARBOOK
“STATE-LEGAL RESEARCH”)
(The end)**

© 2018 A. V. Malko^{1, *}, N. V. Krotkova^{2, **},
V. Yu. Stromov^{3, ***}, V.V. Trofimov^{3, ****}

¹ Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

² The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
Journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences, Moscow

³ Tambov state University named after G.R. Derzhavin

* E-mail: i_gp@ssla.ru

** E-mail: krotkova2012@yandex.ru

*** E-mail: stromov@tsutmb.ru

**** E-mail: iptgutv@mail.ru

Received 11.04.2018

The political and legal course of modern Russia for creating conditions for sustainable development in the country presupposes reliance on a well-functioning system of state and legal regulation, through which opportunities for full-scale implementation of freedoms, subjective rights and legitimate interests provided for by constitutional and sectoral legislation are opened, but at the same time it is ensured their comprehensive protection and protection, which implies mechanisms that facilitate the implementation of legal regulations (positive obligations), compliance with legal prohibitions. An important function in this system is to fulfill punishments as provided by law measures of negative impact on entities that in one way or another violated the requirements of the law. The issues associated with this “extreme” but effective tool of the state-legal policy of modern Russia, have become the subject of discussion in the format of the scientific roundtable. In addition, during the scientific event, the prospects for cooperation and cooperation between academic and university science were discussed within the framework of the Scientific and Educational Center “State-Legal Policy of Modern Russia”, established on the basis of Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Research Institute of State and Legal Studies) together with the Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Key words: state-legal policy, penalties, system, concept, state-legal research, Scientific and Educational Center “State-Legal Policy of Modern Russia”.